

Они молча обнялись, но вдруг раздался резкий, чужеродный звук:

— То, что ты сказал, — правда?

Су Чэнь поднял голову с плеча Лянь Цзюэ и посмотрел в сторону звука. Его сосед по комнате, которого он ранее оглушил, каким-то образом пришел в себя. Он совершенно не обратил внимания на то, что в помещении появился посторонний, и был полностью сосредоточен на Су Чэне. Его глаза, неподвижные и остекленевшие, казались почти безжизненными.

Су Чэнь не ответил сразу. Он спокойно изучал его некоторое время, а затем внезапно улыбнулся:

— Важно ли то, что я сказал, — правда или нет? Главное, что ты уже поверил, не так ли?

Тот человек никак не отреагировал, продолжая смотреть на Су Чэня пустым взглядом. Спустя долгое время он медленно моргнул, тихо выдохнул и прошептал:

— Да. Я поверил.

Когда человек хватается за единственную надежду в безвыходной ситуации, как он может отпустить её, какой бы абсурдной и неправдоподобной она ни казалась?

Тот человек назвал Су Чэню свое имя — Чао. Затем, глядя Су Чэню прямо в глаза, он спокойным голосом произнес:

— Я готов стать твоим подопытным. Если ты сможешь доказать, что действительно способен исцелить эту планету, я помогу тебе убедить Му отказаться от плана мести Федерации.

В этот момент в нем не осталось и следа той нервозности, которую Су Чэнь видел раньше; напротив, от него исходила сила, внушающая спокойствие.

— Ты понимаешь, что такое эксперимент? — спросил Су Чэнь.

Чао улыбнулся. Улыбка его была красивой. Он посмотрел на Су Чэня и сказал лишь одну фразу, на первый взгляд совершенно не связанную с вопросом:

— Ничего страшного.

Су Чэнь не знал, как Чао это удалось, но на следующий день прибыло огромное количество лабораторного оборудования, а большинство требований Су Чэня были удовлетворены. С тех пор Су Чэнь целыми днями запирался в каменном доме, проводя исследования, а Чао стал его подопытным. Более десяти дней никто их не беспокоил.

Лянь Цзюэ по-прежнему приходил каждый день, принося новости снаружи.

Му уже начал вводить остальным инъекции и устанавливать биологические бомбы, но к каменному дому Су Чэня и Чао никто не приближался. Су Чэнь вспомнил число, которое получил, — должно быть, это был его порядковый номер в эксперименте. Даже когда всем остальным завершили инъекции, к Су Чэню никто не пришел; его дом будто забыли. А вместе с ним забыли и умирающего на кровати Чао.

На двадцатый день Су Чэнь начал применять протокол лечения на Чао. В тот день было проведено семь сеансов, и все они закончились неудачей. В то же время Лянь Цзюэ сообщил, что Му развернул армию и начал отправлять большие группы коренных воинов к местам высадки.

На двадцать первый день Су Чэнь пережил восемь неудач. За это время организм Чао несколько раз оказывался на грани коллапса, и Су Чэню с трудом удавалось его выхаживать. Тем временем из Города Железной Скалы непрерывным потоком вывозили стратегические ресурсы; по мере того как людей и припасов становилось меньше, замок пустел.

На двадцать второй день, во время пятого эксперимента, белая чешуя на шее Чао начала подавать признаки регенерации. Однако он не выдержал до конца сеанса: его дыхание остановилось на пять минут, и Су Чэню пришлось экстренно прервать процедуру.

К тому времени в замке почти никого не осталось. Последние отряды коренных воинов, включая Загрязненных, предназначенных для отправки на главные планеты Федерации, уже ушли.

На самом деле, Су Чэнь понимал: даже если он создаст лекарство, вряд ли удастся остановить план Му. Но Чао, его подопытный, чье тело было изъедено болезнями, сохранял ясность взгляда. Когда Су Чэнь отчитывался о ходе эксперимента, в глазах Чао иногда вспыхивал слабый, но яркий огонек.

Под конец Су Чэнь уже не мог разобрать: старается ли он создать лекарство, чтобы не разочаровать Лянь Цзюэ, или же ради Чао, чтобы этот последний огонек в его глазах не погас окончательно.

Увидев на экране, как чешуя на шее бледнеет, Чао слабо улыбнулся. Он с трудом протянул руку к Су Чэню и разжал кулак. На ладони лежала фигурка из неизвестного материала: маленькая белая змейка, свернувшаяся кольцом и поднявшая голову с высунутым жалом.

— Отдай это... Му, он придет... ко мне, — прошептал Чао. Его голос стал настолько тихим, что с небольшого расстояния его уже почти не было слышно.

Су Чэнь помедлил, затем передал змейку Лянь Цзюэ. Тот кивнул и в следующее мгновение исчез из каменного дома.

Вскоре Лянь Цзюэ вернулся, ведя за собой человека в черном. Увидев Чао на кровати,

мужчина замер, словно пораженный молнией. Через секунду он бросился к постели, дрожащими руками потянулся к Чао, но, увидев множество ран на его теле, не нашел места, куда можно было бы прикоснуться.

— А-Чао, что... что случилось? — голос мужчины дрожал, в глазах читалось полное неверие. — Разве я не просил тебя уйти? Уехать с остальными в Федерацию... Когда план удастся, ты, не получивший инъекцию, смог бы выжить вместе с зараженными федератами... Почему... почему же... — последние слова потонули в рыданиях.

Чао медленно повернул голову и прошептал по слогам:

— Му, посмотри... чешуя на моем теле... она бледнеет.

Му взглянул на его шею, содрогнулся, широко открыл глаза и на мгновение лишился дара речи.

— Му, нас не бросили. Поэтому... не сдавайся. — Сказав это, Чао закрыл глаза, а на его губах застыла теплая улыбка.

Чао скончался спустя десять дней. После того как он впал в забытие, Му сидел у кровати, держа его за руку, и слушал рассказ Су Чэня о том, что Чао сделал за этот месяц.

Последний эксперимент показал, что лекарство работает. Хотя до полного исцеления было еще далеко, это стало вопросом времени.

Если есть шанс выжить, кто захочет умирать?

В конце концов Му занял место Чао, позволив Су Чэню испытывать новые составы на себе. Теперь Су Чэню нужно было лишь корректировать формулу, поэтому эксперименты не причиняли Му страданий; напротив, по мере прогресса его кожа день ото дня становилась светлее.

Вскоре все жители планеты прошли курс лечения. Признаки мутации постепенно исчезали, а физические показатели оставались в норме. Му ничего не скрывал и обнародовал всё, что сделали Су Чэнь и Чао, включая истинные личности Су Чэня и Лянь Цзюэ.

Жители планеты приняли их, но продолжали с недоверием относиться к остальным выходцам из Федерации. Это привело к тому, что единственным приемлемым представителем для внешних связей стал Лянь Цзюэ. Многие жители планеты позже вступили в его армию, став самыми преданными и отважными бойцами.

Су Чэнь и Чао были возведены в ранг спасителей. Их статуи воздвигли на крепостной стене Города Железной Скалы, чтобы потомки могли чтить их память.

История мутировавшей планеты вызвала большой резонанс в Федерации. Лянь Цзюэ, исходя из определенных соображений, не стал раскрывать план мести, который пытался осуществить Му.

После этих событий авторитет Лянь Цзюэ в Федерации достиг абсолютной высоты, а уровень общественной поддержки превысил показатели всех конкурентов вместе взятых. Пять лет спустя, когда главнокомандующий ушел в отставку, Лянь Цзюэ бесспорно занял этот пост, став не только самым молодым генералом в истории, но и побив рекорд по возрасту вступления в должность главнокомандующего.

В то время как деяния Лянь Цзюэ восхвалялись потомками, его спутник жизни также не оставался без внимания. Тот, кого когда-то исключили с фармацевтического факультета, стал величайшим фармацевтом в истории Федерации. Любой состав, улучшенный им, заставлял других мастеров чувствовать себя дилетантами.

После вступления в должность Лянь Цзюэ вместе со своим спутником, мастером-фармацевтом Су Чэнем, расширял границы Федерации и исследовал бескрайний космос. За свою жизнь он не только увеличил территорию Федерации на одну десятую, но и добыл для неё неисчислимые ресурсы. Позже ученые, изучая вклад Лянь Цзюэ, отмечали, что он в одиночку продвинул Федерацию вперед как минимум на двести лет.

Их заслуги вошли в историю, а любовь друг к другу вызвала зависть у потомков. Они никогда не расставались и не ссорились. Хотя у них не было детей, они прожили жизнь, которой завидовала вся Вселенная.

Лянь Цзюэ прожил до двухсот лет и мирно скончался. В тот же день его спутник, Су Чэнь, закрыл глаза с улыбкой, лежа в его объятиях, и последовал за ним.

Су Чэнь очнулся от холода, и в тот момент, когда к нему вернулась чувствительность, он пожалел, что не остался в забытии.

Было слишком холодно. Стужа пробирала до костей, он не чувствовал своих конечностей, а кожа горела, словно от тысяч иголок. Под ним что-то сильно тряслось. Су Чэнь медленно открыл глаза и обнаружил, что находится на лошади. Вокруг простиралась ослепительно белая равнина. Глаза не сразу привыкли к яркому свету, слезы невольно выступили из них от острой боли. Ему пришлось несколько раз зажмуриться, прежде чем он смог снова взглянуть на мир.

Верно, он ехал на лошади, которая с трудом пробиралась сквозь снега.

— Ну и какой сюжет на этот раз? — подумал он.

Су Чэнь растерянно огляделся. Вдруг совсем рядом раздался радостный голос:

— О, товарищ, ты очнулся!

Юноша в поношенном ватнике подбежал к лошади. На его плече висела винтовка, почти такая же высокая, как он сам. Юноша смотрел на Су Чэня с сияющими глазами:

— Ты проспал целые сутки! Если бы не проснулся сейчас, то, наверное, уже никогда бы не открыл глаза. Капитан сказал, что ты совершил великий подвиг, и мы ни за что не оставим тебя. Вот, даже лошадь старого командира отдали, чтобы везти тебя. Потерпи еще два дня, и мы перевалим через эту снежную гору.

— Хм, люблю болтунов, которые сами выдают экспозицию, — подумал Су Чэнь. — Продолжай.

Су Чэнь невозмутимо смотрел на него, храня молчание.

— Если бы не твои разведданные, наш отряд не смог бы безопасно выйти из окружения. Иначе, если бы нас зажали Южные, никто бы живым не выбрался. Имя Южного Карателя Будд гремит не слабее нашего президента.

Юноша продолжал болтать, но, видя, что Су Чэнь не отвечает, внезапно замолчал. Подумав о чем-то, он с тревогой начал осматривать лицо Су Чэня:

— Товарищ Су, у тебя что, язык отморозился? Вот беда-то! Я ведь обещал капитану, что выведу тебя через перевал живым! — Он потер глаза, готовый вот-вот расплакаться.

— Язык отморозился? — Су Чэнь понял, что это не насмешка, а искреннее беспокойство.

Помедлив, он прохрипел, чувствуя, как болит горло:

— Если слезы потекут, они тут же замерзнут.

Су Чэнь поморщился и посмотрел вперед. Извилистая горная тропа, глубокий снег, в котором можно было утонуть по колено. Дорога впереди, утоптанная множеством ног, стала твердой и скользкой. Идущие сзади чуть зазеваются — и летят кубарем, а если не повезет, то и вовсе срываются в пропасть.

Су Чэнь нахмурился еще сильнее. Он всё еще плохо понимал ситуацию, но, глядя на тонкий, продуваемый всеми ветрами ватник, сомневался, что доживет до конца пути.

Судя по всему, это было вполне вероятно: по обочинам тропы он уже видел несколько застывших фигур, покрытых снегом. Они не излучали ни капли тепла — очевидно, умерли давно.

Люди, замерзшие насмерть, выглядели спокойными. В сравнении с борьбой против холода желание присесть и отдохнуть казалось невероятно заманчивым, но стоило сесть — и встать

уже было невозможно. На лицах мертвецов даже застывала улыбка.

Су Чэнь не боялся смерти, но проблема была в том, что место, где он очнулся, было его точкой возрождения. Это означало, что сколько бы раз он ни умирал, он снова будет приходить в себя здесь, на этой горе, на спине лошади. Если он не выберется живым, то будет бесконечно повторять цикл: замерзание, возрождение, восхождение.

Су Чэнь пошевелил конечностями. Они были онемевшими, почти без чувств. Он опустил взгляд — руки и ноги были целы, ран не видно. Подвигавшись на лошади, он почувствовал, как возвращается чувствительность, а вместе с ней — колющая боль. Су Чэнь потерял руки, сполз с лошади, но не удержался на ногах и упал в снег.

— Эй, товарищ Су, зачем слез? Руки и ноги так замерзли, что на лошади не усидеть? — Юноша испугался, подбежал, чтобы поднять его, и с тревогой попытался усадить обратно.

Су Чэнь придержал его руку, останавливая:

— Я пойду сам.

Он схватил горсть снега и начал растирать кожу. Сидеть неподвижно на лошади означало заступление крови и верную смерть.

С Су Чэнем был отряд из двадцати человек. Юношу звали Луцзы — так как он был самым младшим, товарищи называли его Сяо Луцзы. Как и остальные, он состоял в отряде подбора.

Их задачей было находить отставших и забирать их с собой. Но со временем отставших находили всё больше, а забирать удавалось всё меньше — потому что их находили уже замерзшими.

Чем выше они поднимались, тем разреженнее становился воздух, дышать было всё труднее. Они почти не видели следов основных сил и могли лишь ступать по отпечаткам ног тех, кто шел впереди.

На вторые сутки они наконец перевалили через гору. Впереди снег начал отступать, но это не принесло радости, так как на смену белизне пришло бесконечное темно-зеленое море.

Перед ними простиралась бескрайняя степь.

Су Чэнь долго стоял молча. Это что, режим выживания повышенной сложности? После снегов — бесконечная трава. Просто издевательство.

— О, мы выбрались! Смотри, степь! Какая огромная! — Сяо Луцзы тоже стоял рядом, глядя на равнину, но, очевидно, смотрел на мир иначе.

Су Чэнь бросил на него взгляд, но промолчал. Из двадцати человек в их отряде в живых осталось меньше десяти. Если бы не этот паренек с его необычным складом ума, отряд, скорее всего, окончательно пал бы духом.

Основных сил не было видно, но они не сбились с пути: по этой траве явно никто раньше не ходил, поэтому следы армии были очень заметны.

Однако по мере продвижения даже неугомонный Сяо Луцзы притих. Голод и усталость были одной причиной, другой же стало то, что они поняли: это не та степь, где пасут скот. Она не кормит, а пожирает жизни.

Здесь не было съедобных растений, даже воду пить было нельзя. Потеряв еще троих товарищей, они осознали, что не спаслись, а зашли в другую ловушку.

Следы впереди идущих теперь отмечались не только примятой травой, но и телами.

Через равные промежутки на обочине лежали бойцы. Тела были аккуратно уложены, лица спокойны, без тени страха перед смертью. Но это не отменяло того факта, что их не удалось похоронить как положено.

Сяо Луцзы стал необычайно молчалив. Каждый раз, видя тело товарища, он подходил и отдавал честь. Но когда он увидел тело, раздетое догола, рядом с которым аккуратно лежала одежда, юный боец не выдержал и зарыдал.

На душе у Су Чэня тоже стало тяжело. Одежду снял не кто-то другой — сам боец, зная, что не выживет, оставил свои скудные пожитки товарищам в надежде, что это поможет им пройти через эту «людоедскую» степь.

Старый солдат подошел к Сяо Луцзы, похлопал его по плечу и хрипло произнес:

— Не плачь. Слезы — это тоже вода, не трать ее зря.

Остальные солдаты собрали одежду, сняли головные уборы и отдали честь.

Спустя семь дней Су Чэнь и остальные выбрались из степи и нагнали основные силы.

Только тогда у Су Чэня появилось время разобраться в своей личности и ситуации в мире.

Это был мир раздробленных полевых командиров. Двадцать лет назад пала последняя империя, и армии провинций объявили о своей независимости. Десятки военных группировок, словно мелкие королевства, постоянно воевали друг с другом, поглощая соседей. Народ страдал.

Спустя годы десятки группировок слились в несколько, а в итоге власть сосредоточилась в руках двух человек. Север и Юг разделила река, возникло противостояние.

Северный Яма и Южный Каратель Будд.

Именно так называли этих двоих.

Отряд, в котором находился Су Чэнь, принадлежал к Северной армии. Первое лицо Севера носил фамилию Янь. Был ли Янь Ло его настоящим именем или прозвищем — неизвестно, но на Севере его называли Главнокомандующим. Несколько лет назад при поддержке иностранцев он объявил себя президентом.

Конечно, он был президентом лишь половины страны. Южные командиры не признавали его статуса, поэтому Янь Ло называл их «Южными бандитами».

В этот раз президент Янь отправил элитные части через реку, чтобы атаковать южную провинцию, но маршрут оказался скомпрометирован. Авангард попал в ловушку Южных и был полностью уничтожен. Основные силы еще не знали об этом и продолжали марш, направляясь в западню.

Именно Су Чэнь принес весть об уничтожении авангарда и о ловушке. Командир, убедившись в правдивости слов Су Чэня, после консультаций со штабом и проводником, разработал маршрут прорыва.

Времени было в обрез. Маршрут был рискованным: крутые горные тропы, бурные реки, безлюдные снежные горы и степи. Ценой огромных потерь им удалось вырваться из окружения.

Узнав о количестве погибших в другой группе, попавшей в ту же ловушку, командир долго молчал.

В тот же день Су Чэня перевели из общего барака в отдельную комнату.

<http://bllate.org/book/22138/2306569>